

левый берег. Но Жанна ничего не хотела слушать. Она лишь заметила графу, что обманщики сами стали жертвами своего обмана.

И многомудрый полководец, опытный и осторожный стратег, вынужден был признать, что юная крестьянка сказала правду.

Действительно, с того момента, как, выйдя из Бургундских ворот, Дюнуа разглядел огромную армию на марше, он понял, что не все было продумано до конца. Конечно, путь по левому берегу представлялся несравненно более безопасным, чем по правому. Но как теперь перевезти через реку шесть тысяч солдат, около тысячи единиц обоза и сотни коней с оружием и доспехами? Движение через мост исключалось — мост был разрушен, и его левым крылом владели годоны. У осажденных имелось лишь несколько рыбацких лодок и небольших барж. Чтобы переправить с помощью этих средств такую махину, потребовались бы недели. Переправа должна была проходить на виду у врага. Годоны использовали бы это и, выйдя из своих укреплений, стали бы громить французские войска по частям, по мере того как те переправлялись.

Дюнуа с сомнением качал головой и искоса поглядывал на Жанну. Понимала она все это или не понимала ровным счетом ничего, но факт оставался фактом: девушка была, безусловно, права, она оказалась более разумной, чем добрый десяток выдавших виды боевых командиров.

После краткого совещания с господами де Ре, Буссаком и Ла Гиrom Дюнуа принял половичатое решение.

Переправить немедленно следовало лишь обоз и небольшой отряд воинов. Армия должна была остаться на ночлег у заставы Буше, а затем вернуться в Блуа. Оттуда, забрав вторую часть обоза, войско могло вновь подойти к Орлеану, на этот раз по правому берегу...

Что касается Жанны, то Дюнуа категорически на-